

01.12.2013

Мы были его современниками

“Первую книжечку его стихов я купил на улице. Кажется, за червонец. И, кажется, у него самого - мы тогда еще не были знакомы, стихов его я тоже не знал. Но, отойдя в сторону, я сравнил круглолицее изображение на обложке в восточной (буддистской?) шапочке на затылке с лицом того, у кого взял книжку из стопки, разложенной на лавочке, - мне кажется, это был Руслан. Но, наверное, не похожий на себя самого на фотографии, как не похож герой лирического стихотворения, написанного от “Я” - первого лица, на автора этого стихотворения.

Стихи (зачем покупал эту книжечку - не знаю: может, привлекла какая-то веселость в лице и словах) не то что удивили - неточно, они ожгли. Это как в упомянутом им в “Сельском дзене” Судзуки (“Я и Судзуки, пиала с пахучим настоем, Котенок, глядящий на бабочку...”), где в ответ на вопрос Ученика: “Что такое дзен?” - Учитель молча бьет тому по морде наотмашь ладонью. Ожог... От непосредственного соприкосновения с жизнью.

Причем, как мне показалось, ожог, который получил автор стихов, был куда сильнее моего. Тут понятно: если верить дзену, между тобой и жизнью не должно быть слов. Поэзия вообще стремится к немоте. “Что истина? Проста и невербальна. А ветер носит дух недалней бани, И в воздухе висит ответ...” Я пробую губами упругий лаконизм его строк: простые мысли в простых предложениях: “Во всем есть бог поэзии: в затяжке дешевой сигареты по утрам, после двух чашек, в тапочках Наташки, в дровах, лежащих на траве двора...” Ничего вроде особенного - сор жизни в изобилии, годный стать стройматериалом для стихов или остаться сором. У Руслана он преобразуется, простите за банальность, в поэзию.

Между ним и предметом его поэзии - жизнью как есть - зазора (засора?!) практически не было...”, - спасибо Сергею Гринбергу, напомнившего мне давнюю заметку о сборнике стихов Руслана Сидорова, чью память мы отмечаем сегодня. Сергей Гринберг, к слову, сегодня кропотливо и вдумчиво разбирает архивы Руслана, находит неопубликованные стихи, читает размышления поэта и пишет свои заметки. Кто знает - может, из этого вырастет книга о Руслане. Это была бы дань памяти о нём.

Валерий Немиров

Мы любили Руслана. “Он был моим другом”, □ - это могут сказать многие. И все-таки, как я думаю, при всей своей общительности, при всей расположенности и благожелательности друзей и подруг Руслан был глубоко одиноким, как всякий большой поэт. Похоже, мы не понимали, что дружим, разговариваем и смеемся, выпиваем-перекуриваем, идем по улице или сидим рядом с настоящим Поэтом, каких немного выпадает на одно поколение.

Наверное, нам еще предстоит осознать масштаб личности и таланта Руслана Сидорова. Надо, чтобы память о нем не осталась замкнутой в кругу его друзей и почитателей. Это

зависит от нас.

* * *

Его начитанность и эрудиция поражали. Разбирая его наследие, находим, например, тетрадь, где переписаны стихи современных авторов. Одна из записных книжек представляет собой конспект по античной философии. Есть большие выписки из работ русских философов - В.В. Розанова, Л.И. Шестова. Гоголевка была рабочим местом Руслана.

В одной из его многочисленных тетрадей есть набросок стихотворения, посвящённого библиотеке, - той, "неслитой" Гоголевке. Заметим, что слово "библиотека" Руслан пишет с большой буквы.

*Хвала Библиотеке! В жизнь, когда
Всё вздорозжало, книги и журналы -
Библиотеки бескорыстный дар.
И где ты, смерть? И где же твоё жало?*

*За жизнь не жизнь, а жизни пережить.
Подельник, соучастник и соавтор,
Я для Вселенной менее, чем атом,
И всё ж во мне Вселенная лежит:*

*Сто тысяч солнц и сонмы снов планет -
Иным ста лет не хватит облететь их.
И мало дела - моего здесь нет,
Во мне - моё, хвала Библиотеке!*

* * *

Говорят, поэты завидуют чужому таланту и чужому успеху. Наверное, это не так, и завистников среди поэтов не больше, чем среди представителей других профессий. Но вот чего начисто был лишен Руслан, так это зависти.

Вот что написала поэтесса из поселка Каменный Ключ Людмила Иванова, узнав о гибели Руслана. Она была победительницей поэтического фестиваля в Прокопьевске в октябре 2012 года, там и познакомилась с Русланом, который был членом жюри.

"... Я видела его тогда на этом конкурсе поэтическом в октябре, он же был в жюри, он так искренне, так хорошо радовался за меня, удивлялся даже. Это вообще-то очень редко в среде людей, причастных к поэзии, или которые думают, что они к ней причастны: Руслан просто как-то по-детски радовался, что вот - у человека стихи. Мы с ним вместе под гитару Высоцкого пели - "Я вышел ростом и лицом"."

Мы в "Дилижансе" тоже не раз были свидетелями того, как радовался Руслан, когда слышал или читал чьи-то хорошие стихи. Именно по-детски, заразительно, искренне радовался: смеялся, хлопал себя по коленкам. Добавлю также, он обрадовался, когда однажды были прочитаны стихи Людмилы Ивановой.

* * *

"Стихи, которые ты помнишь наизусть, - твои стихи", - часто говорил Руслан. В одной из его тетрадей есть короткая запись: "Стихи наизусть - это ваши стихи". Похоже, это было его твердым убеждением - если какое-то стихотворение запомнилось, оно принадлежит тебе. Интересно, сколько же в таком случае стихов принадлежало самому Руслану, помимо его собственных? Имея прекрасную память, он знал наизусть сотни, если не тысячи стихотворений самых разных поэтов - известных, малоизвестных и совсем не известных.

В апреле 2012 года Руслан провел в "Дилижансе" вечер, где читал стихи своих любимых

поэтов. И название придумал замечательное: “Стихи, которые помню наизусть”. В этот раз звучали поэты, которых Руслан любил давно и непоколебимо, - Т. Кибиров, Б. Чичибабин, О.□Мандельштам, Л. Стафф, В. Павлова, Б.□Рыжий. Много мы тогда услышали: прекрасные стихи с короткими пояснениями Руслана, рассказы об авторах, искромётные экскурсы по самым разным поводам, его оригинальные суждения о поэзии. Поэтический вечер Руслан закончил стихотворением, автора которого я предлагаю угадать с трех раз. Да, конечно, это был Иосиф Бродский, и это был шедевр “Осенний крик ястреба”.

Большое произведение со сложной звукописью и композицией, наполненное образами и ассоциациями, Руслан читал наизусть:

*Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута...*

С каждой строчкой голос Руслана становился тверже, взгляд - отстраненнее, сам воздух, казалось, наэлектризовывался.

*...Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк...*

“Дилижанса” уже не было. Не было нас, не было стен и окон, не было времени. Было только потемневшее лицо Руслана и голос, заполнивший все пространство. Был только трагический ястреб, чей крик звучал в недружелюбном космосе.

*...Пронзительный, резкий крик
страшней, кошмарнее ре-диеза
алмаза, режущего стекло,
пересекает небо...*

Руслан закончил. Мы были потрясены. Опомившись, как от гипноза, бросились к нему с поздравлениями и благодарностями. Но Руслан нас не видел и не слышал, он был напряжен, тяжело дышал, на лбу собрались капельки пота. Он весь был там, в “сизой, лиловой, пунцовой, алой” долине Коннектикута, он сам был одиноким ястребом. Похоже, он испытал (да и мы все вместе с ним) сильное эмоциональное потрясение. И даже в курилке на крыльце, куда его утащили, он не сразу смог говорить и отвечать.

* * *

Слово, звук, образ - святые для Руслана понятия. Слова, словосочетания, фразы, пришедшие ему в голову, нередко становились частью стихотворения.

Крыльцо библиотеки. Перекур. Руслан оживленно рассказывает:

- Я нашел слово. И оно, и противоположное ему означают одно и то же.

- Что за слово? - спрашиваем мы.

- “Истово” и “неистово”, - торжественно объявляет Руслан. Радует, как ребенок, счастливой находке.

Мы задумываемся. Действительно, “истово” и “неистово” - синонимы. И в то же время антонимы. Молодец, Руслан! Чудак, Руслан, надо же придумать такое!

В другой раз он по ходу какого-то разговора замечает:

- Вот интересно: “светило” - это и глагол, и существительное.

Эти руслановские мимолетности забылись бы со временем. Но вот в его сборнике “Второе дыхание” читаем искрящееся весеннее стихотворение:

*С утра светило истово,
лучисто и неистово
светило. Голосистые
совсем сошли с ума*

*в любовное безумие,
в многотональных зуммерах.
Все означало в сумме, что
закончилась зима...*

* * *

К белым стихам Руслан относился настороженно, чтобы не сказать - отрицательно, и не раз говорил это. Вот что сказал он на одном из "Дилижансов" (по аудиозаписи):
- Когда у меня есть повод на эту тему высказаться, я всегда говорю, что белый стих или вольный стих - это не совсем поэзия. То есть это где-то там, на обочине. Хотя несколько стихов, так называемых белых, я и сам помню наизусть и считаю их поэзией.
Однажды он прочел один из белых стихов Иосифа Бродского (кажется, это был "Ангел" 1990 года) и предварил его репликой: -
Бродский редко писал верлибры, но уж если писал, то шедевры.
При всем при этом сам Руслан иногда писал верлибры. Боюсь хвалить или критиковать, но, как мне кажется, по мысленасыщенности они не уступают его рифмованным стихам.

* * *

*Все шатко, все подвержено, все валко. ъ
И полон рот хлопот отнюдь не полон.
И легким бубенцом звучат коронки
Из желтого блестящего металла.
И это так понятно, так понятно,
Особенно на переходе в осень,
Особенно на перекрестке мушки,
Особенно в углу, лицом к стенам.
Все это вообще. А в частном, впрочем,
Сначала так: в числителе мыслитель,
А в знаменателе немислимая жизнь.
И частное во временном пределе
Всеобщему равно. И это - жизнь.*

* * *

*Все реже улыбаюсь сам себе.
Начать таким стихом стихотворенье
Прилично было б двести лет назад.
А нынче нет. Что вдруг? Мы изменились.
Кто это "мы"? И я смотрю в окно.
Октябрь подошел к тридцатым числам.
Больное ноябрем пустое небо
Уже полно еще незримых звезд,
И точно осень желтым догорает.
Кто это "мы", и что меняет нас
За двести лет и за одно мгновенье?..*

* * *

Что бы я ответил, если бы спросили, чего я хочу и чего не хочу?
Я хочу, чтобы трагическая гибель Руслана Сидорова сплотила всех, для кого он был близким, всех, кто считал его своим другом. Хочу, чтобы все мы помнили и чттили Руслана, собирались вместе, читали его стихи, делились своими воспоминаниями, помогали маме, Кларе Романовне.
Я не хочу, чтобы кто-то выпячивал свою исключительную роль в жизни Руслана или

подчеркивал свою особенную близость к нему. У Руслана было много друзей, и каждый из нас - один из этих многих. Не хочу, чтобы на волне памяти о Руслане были поводы “лягнуть” другого: вот, дескать, я тогда-то говорил про Руслана хорошо, а этот в ответ говорил плохо, так давайте его затопчем. Не хочу, чтобы кто-то выставлял себя пророком и провидцем, всячески подчеркивая: “А я давно говорил: А я всегда говорил... А я сразу понял...”

Судьба сделала нам необыкновенно щедрый подарок - общение с тем, кто был отмечен божественным прикосновением, с настоящим Поэтом.

Рубрика:

Автор: Сергей Гринберг

Рубрика: Культура

Тема: Память